
Т · И · Н · А · Т · И · Н

МЖАВАНДЗЕ

**А также
их родители**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М56

Дизайнер обложки: *Ольга Жукова*

Мжаванадзе, Тинатин.

М56 А также их родители: [сборник] / Тинатин Мжаванадзе. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 384 с.— (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-183956-7

Все дети в мире скроены по одному лекалу: они считают своих родителей всемогущими богами и не подозревают, сколько страхов и сомнений кроется за гладким фасадом уверенных взрослых лиц. Родители ведь постоянно ошибаются! И потому им будет полезно взглянуть, как строится воспитательный процесс у других. А вдруг на самом деле у них самих все очень даже неплохо или, наоборот, надо срочно спасать положение?! Эта книга — признание в том, какие небезупречные на самом деле взрослые, но все их косяки — от чрезмерной любви к детям.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-183956-7

© Тинатин Мжаванадзе, текст, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Папачос, он же *Кормилец*, он же *Давид* или *Дато* — отец семейства.

Мамачос — автор, мать семейства.

Сандро — старший сын.

Мишка — младший сын.

Автошка, *Мариска*, *Димка*, *Лука* — кузены детей.

Наиле, *Хатуна* — тети детей.

Зура, *Гия* — дяди детей.

Два комплекта бабушек и дедушек детей.

Монти — пудель кузенов.

Лилу — собственная кошка детей,
голубая британка.

Эпизодические персонажи — разнообразные соседи, родственники, друзья, знакомые, учителя и даже герои мультиков.

Вообще-то я хотела жить совсем по-другому.

Мой день начался бы с вечера. Я бы вернулась из театра, или из консерватории, или из гостей в свой душистый дом в вазочках, рамочках и цветочках, уронила невесомые перламутровые туфельки на шелковый ковер, вытащила шпильки из высокой прически, аккуратно убрала гламурные одежды в гардеробную, потом приняла бы ванну с лавандовой солью, потом посидела за чисткой перышков и артхаусным кино и уснула бы в 23:00 с кремом на руках, веках и пятках — везде разным. Утром встала бы в 6:00 и пошла на озеро с собакой — в любую погоду, одетая цвет в цвет: если моросит, то белые хантеры, молочный зонт-винтовка и дождевик с рисунком Барберри, а если солнышко — на выбор кремовое, серое или голубое. Собака — кто-нибудь изысканный, вроде акиты или умной, как профессор, овчарки.

Солнце отражалось бы в моих солнечных очках, ветер шевелил безупречно выкрашенные шелковые пряжи, в голове рождались идеи увлекательных сценариев.

Потом я пришла бы домой, позавтракала авокадо и грейпфрутовым соком — конечно, фреш, — сделала массаж, или йогу, или фитнес, потом написала

пару только что выдуманных рассказов, потом бы пошла по бутикам тратить баснословные гонорары или выкупать билеты на Сейшелы.

А что на самом деле?

Сандро торчит в ванной уже два часа, вся семья, включая кошку, сидит и напряженно смотрит в дверь.

Он изволил вылезти — клубы пара валят по всей квартире, кошка забегает к лотку, поскользывается на мокром полу и въезжает в песок, обвалываясь в нем, как пожарская котлета. Тем не менее она делает свое дело, не меняя напряженного выражения лица, вся в панировке, а мы продолжаем терпеть, монотонно выражая Сандро свое негодование.

Не успеваю зайти и смыть косметику перед сном, потому что следующим ванну занимает Мишка, хотя ему было сказано просто принять душ. Молодец набрал пластмассовых тунейдцев и играет с ними в пене, хотя уже здоровенный амбал и ему пора брить усы.

Приходит папачос и требует ужин.

Ужин давно остыл — все надо разогреть.

— Я хочу в туалет! Неужели нельзя было закончить свои дела до моего прихода? — возмущается кормилец. Мишка ухом не ведет, у него решающая схватка Шрека с безруким Суперменом.

Я тру глаза, потому что приняла таблетку и меня клонит в сон, а тушь все еще на ресницах.

Кошка глядит на меня и утробно мявкает в первобытном ужасе.

Мне еще надо намазать Мишке ранки новой ма- зью, сделать йодовую клетку на бронхи, наклеить полоску от храпа Сандро, помыть посуду, загнать всех в кровати, но таблетка срывает, и я падаю головой в раковину с немытой посудой.

Там и засыпаю.

Благословенны будьте, дети мои, включая кошку.

КАК ВМЕСТО СОБАКИ ЗАВЕСТИ РЕБЕНКА

— Хочу собаку, — однажды подступила я к мужу, когда Сандрик стал вполне самостоятельным мужчиной пяти лет. — И ребенок хочет. Как может вырасти нормальный человек без собаки?! Нас двое, ты один.

На тот момент у нас были только этот самый мальчик, квартира без ремонта и нереализованные амбиции.

Муж потянулся, зевнул и посмотрел на меня очень ласково.

— Нам нужен второй ребенок, — сказал он. — А собаку в квартире — не могу. Ни я не могу, ни собака не может. Значит — два на два. Собака будет потом — на даче.

Дачи у нас нет и не предвидится.

Я скорбно поднялась, всячески демонстрируя угнетенную женщину Востока, и ушла зализывать раны. Однако же было ясно, что второго ребенка не избежать, и — чего греха таить, уже давно пора.

Второй ребенок — вроде инфекционного заболевания, которым можно заболеть в удобное для пациента время. Можно сразу, а можно лет через пять. И даже десять и семнадцать тоже не проблема: первый обязательный уже готов, а второй — это произвольная программа. Мама говорила — лучше не затягивать, все равно платить по одному счету — ночами не спишь, службу несешь, один или двое — особой разницы нет, поэтому рожай впритык к первому, спина к спине, след в след. А ведь каждый ребенок имеет право на особенное внимание, а мать — на передышку, поэтому даже не думайте раньше, чем через три года. Я думала пять лет, а потом сдалась — все равно собаки нету, работать негде, а если родить второго ребенка — это как бросить все козыри в игру и сорвать банк.

Конечно, есть люди, у которых не то что два, а три, пять и даже восемь! Но два — это оптимальное число: не мало и не много, а в самый раз.

Став матерью уже двух мальчиков, я стала ждать удобного момента, чтобы опять завести разговор про собаку.

— Да какая еще собака! — с досадой возражал муж. — Девочку нам надо. Видишь, какие у нас получаются шикарные дети!

Невозможный человек! Я — осел, которого заманили морковкой на веревочке. Да что говорить — вся жизнь теперь состоит из сплошных отказов, и даже домашнее животное стало недосыгаемой мечтой.

Впрочем, что животное.

Я не умею свистеть. Просто посвистывать губами трубочкой — это не считается, а чтобы по-серьезному, свернуть пальцы в косичку, хитро пристроить их во рту и пропустить воздух сквозь самодельные регистры, да так, чтобы не сипеть и не плеваться, а сразу выпустить верченый свист, от которого по нёбу трещины, барабанные перепонки навывлет, а на другом конце улицы воробьи с земли врассыпную, — такому не научилась.

Еще я не умею кататься на двухколесном велосипеде. Никогда не прыгала с парашютом. Не видела северного сияния. Не ходила в море на серфе и не каталась на водных лыжах. Не прыгала в бочке в водопад и не мчалась на лошади во весь опор — камерное сидение в седле на курортных клячах для памятной фотографии не считается.

Не успела.

Не сказать, что список безнадежно большой; он просто безнадежный, потому что всего этого я уже не сделаю и не научусь, потому что раньше надо было успевать — пока не родила детей.

А как родила — так и закрывай лавочку.

Но это еще не все.

Гораздо хуже то, что после рождения детей у женщин случаются потери в голове.

Моя свекровь по образованию — хоро дирижер. Или как это правильно сказать? Дирижер-хоровик? В общем, музыкант.

Но никто никогда не слышал, чтобы она занималась музыкой: заунывные напевы по время приготовления толмы не в счет, а к пианино она не прикасалась на моей памяти никогда.

— Мама! — уличали ее сыновья. — Признавайся, ты не музыкант на самом деле!

— После первой беременности я потеряла слух, — пожаловалась свекровь. — После второй — голос!

— А после меня ты что потеряла — чувство ритма? — неласково пошутил третий и младший сын.

Конечно, это все вранье, думала я, и — конечно, потери в моей собственной голове начались чуть ли не с первого дня.

— Я отупела, — в ужасе признавалась я мужу. — Что со мной будет? А вдруг у меня начался Альцгеймер?!

Муж поднимал брови и в утешение говорил, что миллионы женщин родили детей до меня, во время меня и родят после меня, и ничего, а если бы они все теряли память, человечество бы давно выродилось.

Вот уж не знаю, что там остальные женщины, а я раньше могла прочитать страницу текста и тут же отбарабанить его наизусть! Голова работала как швейцарские часы: бесшумно и с ветерком. А сейчас

что? Пока читаю фразу, в конце забываю, о чем шла речь в ее начале. Куда носят в починку поломанные швейцарские часы? Мысли идут по кругу, как цирковые пони, и состоят максимум из трех слов: ребенок орет, поменять штаны, еще не уснул, дышит или нет, уже проснулся, дать воды, чего тебе надо, ванная свободна, и все в том же духе. Если во время уборки мне попались умные книжки, я верчу их в руках, как шумерскую клинопись, не веря, что когда-то писала по ним диплом.

А куда пропало присущее мне когда-то безошибочное умение выдернуть из кучи барахла кофточку и юбочку и сделать из них шикарный наряд? Теперь я беру одни и те же камуфляжные штаны, которые не жалко. А как же я могла танцевать всю ночь и веселиться до упаду, а утром сбегать сдать зачет? Сейчас я в ужасе смотрю за окно в вечернюю тьму и понимаю, что хочу остаться дома и ничего не делать.

Новое кино вызывает панические атаки: зачем громят такую прекрасную мебель? Зачем эта дура уходит из семьи — а детей кому оставляет? Ой, а тут назревает семейный скандал, не буду смотреть. Поэтому из всего мирового кинематографа остался только фильм «Римские каникулы»: все красивые, и никто не умер.

Хотя, если рассуждать хладнокровно, есть и приобретения: например, способность уснуть в любое время суток посреди канонады и при этом слышать, что делает ребенок. А умение безмятежно наслаждаться покоем посреди разгромленной деть-

ми квартиры? А внезапно открывшаяся способность зарыдать от мультика, рекламы и даже от картинки в жвачке «Любовь — это...»?

И еще я научилась брать ребенка одной рукой и удерживать на весу за шкирятник. Правда, лет до пяти, не старше.

Конечно, все перемены происходили постепенно, за исключением самой главной — и этот день я запомнила навсегда.

КАК СТАТЬ МАТЕРЬЮ

Свинья сказала — с тех пор, как у меня есть поросята, я не пила чистой воды.

Грузинская пословица

— Почему ты не носишь сарафан, который я тебе подарил? — бестактно поинтересовался дорогой супруг. Где же мужчине понять такие тонкости?

Нос немедленно разбух, в глаза натекло ведро слез.

— Куда?! Куда я его надену?!

— Да на море хотя бы, — перепугался дорогой супруг, кляня себя за неосторожные слова — хотя в последнее время даже замечание о хорошей погоде могло вызвать извержение вулкана.

Жизнь была ужасна. Я стала толстой, как морская свинья, бесформенной, как ватный матрас, и слезли-

вой, как крокодил. Все нормальные люди налегке ходили на море, а я в это время снаряжалась на ежедневную прогулку с младенцем, как в экспедицию на Южный полюс. Он должен был предварительно поспать, поесть, срыгнуть, покакать, потом его я быстро мыла, одевала в чистое и сажала к себе на грудь в сумку-кенгуру.

К этому моменту я была снаряжена, как спецназовец: волосы в хвост, штаны немаркие, кроссовки на липучках, на одном плече — сумка с бутылочками, на другом — с запасными одеждami. Шатаясь от поклажи, я осторожно спускалась по лестнице и обреченно шагала в парк. Там младенец некоторое время сонно втыкал в природу, дышал воздухом, трескал свои бутылочки и, если повезет, — засыпал. Вне себя от счастья я вытаскивала книжку и читала ее на отлете, не понимая ни слова, — сидела на скамеечке полулежа, чтобы младенцу было удобно. Потом он просыпался, мы делали еще круг по парку, и от постоянного таскания тяжестей я приобрела ухватки борца-сумоиста. Как я могу проделать все эти операции в дивном сарафане до пят?!

— А если бабушке оставить? — предложил вариант кормилец и зажмурился: опять мимо! Бабушку сложно осуждать: она вырастила своих троих погодков, сдала их невесткам и сейчас наслаждалась заслуженным отдыхом. К тому же внуки появлялись с устрашающей регулярностью, в год по штуке, и, чтобы никого не обижать, она ввела мораторий: своих детей растите сами, а я не вмешиваюсь.

Тогда супруг придумал новый расклад: ребенка оставить на пару часов моей сестре, а потом забрать. Мир не рухнет, если один раз пропустить его прогулку!

Измученному долгим заключением воображению представилась заманчивая картинка: я выхожу на пляж в долгожданном сарафане в мелкую ромашку. Широким взмахом сдергиваю его с себя, оставшись русалкой перед родной стихией. Стремительно разогнавшись, взрезаю волны и плыву наперегонки с дельфинами, преодолевая километры. Остаюсь одна посреди морского синего простора и возрождаюсь, как Киприда. Выхожу из воды, отжимаю косы, мгновенно высыхаю — кудри красиво окружают небесное чело — и забираю младенца, кротко проспавшего все это время. Единение с природой вернет меня к прежней жизни, и я снова стану стройной, как кипарис.

— На два часа! — умоляюще сложила я руки и стала наспех зачитывать инструктаж по присмотру за наследником.

Сестра повертела пальцем у виска, напомнив, что у нее в анамнезе две взрослых дочери, и выпинала меня за дверь, предварительно всучив единственный купальник размера «очень-очень-большой».

На улице меня охватил экстаз освобожденного каторжанина. Сарафан и сумочка! Нарядные люди! Руки свободны! И долгожданное море, наконец-то!

— А может, просто позагораешь? — с сомнением спрашивает воплощенное благоразумие в лице двух

моих поджарых невесток. У них дети — почти подростки, два и три года, и втянутые животы, а я в своем сарафане похожа на майское дерево.

Они что, всерьез думают, что меня испугают волны?

— Вчера был шторм, — напоминают девочки и устраиваются загорать. Море в самом деле какое-то нервное — сплошная пена прибоя и ровный гул.

— Ну и что! — По задуманному сценарию стаскиваю с себя одним движением сарафан и остаюсь в купальнике, который бы не надела даже моя бабушка: он бурый и местами пузырится.

— Девушки, — снисходительно говорю я, — вы не знаете, как я плаваю!

Девушки хмыкают и закрывают носы бумажками. Разбег по гальке не удался — пришлось входить в воду задом и позорно падать на спину. Ну, какая разница, если подумать.

Если есть на свете счастье, то я его достигла: море и свобода. Вот сейчас сплываю вдаль, вернусь и... Что-то подозрительно: кроме меня, в воде никого нет. Волны слишком высокие, и гул чересчур громкий. А если покричать, меня услышат?

— Э-э-эй! — Хриплый крик попрыгал по волнам и тренькнул во вдохновенном шуме живой природы. Подожду еще немного, и пора выходить. Почему-то волны становятся все выше, и меня слегка укачало.

Пора бы уже выходить, но волны держат меня, как бультерьер соседскую щиколотку. Сценарий развалился на глазах. Неужели я утону? Это будет очень

странно — молодая мать тонет в море на самом взлете своей счастливой семейной жизни: глупее не придумаешь.

На берегу — без перемен: яркое солнце подсушивает влажную гальку, девушки самозабвенно воркуют на пляже, подставляя солнцу тощие бока, море буйствует, и никто не смотрит в мою сторону. Вот тебе и триумфальный выход Киприды.

Сейчас я утону, и будет большой скандал. Город получит возможность смаковать подробности — экстремалка нашлась, ушла плавать в море после шторма, а грудного ребенка подкинула сестре! И этот бедный сиротка вырастет и спросит — а где же моя мама? А твоя мама, ответят ему, очень любила море!

Где-то спит крошечный мальчик, и он не виноват, что его мать — идиотка, он имеет право получить ее обратно. Самый красивый в мире мальчик, искушенный комарами, четырех месяцев от роду, похожий на совенка, скоро проснется, а мамы нет. И через два часа тоже нет. И утром... тоже нет... А все почему? Потому что я безмозглая курица, а никакая не Киприда, и впервые в жизни стало так страшно, как будто сейчас на меня из глубины движется белая акула.

— Господи, — традиционно вспомнила я о единственной возможной помощи в критический момент. — Я, честное слово, больше так не буду. Мальчик же не виноват! Пожалуйста, можно я выйду из воды?